

ДМИТРИЙ
НАУМОВ

СТ КИ

рассказы

Дмитрий Наумов

Стихи и рассказы

«Издательские решения»

Наумов Д.

Стихи и рассказы / Д. Наумов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836872-1

...Вы хотели бы познакомиться с Пушкиным? А чтобы слепой крот исполнил не три, а только одно ваше желание? Вы хотели бы пережить, спускаясь по лестнице обычного многоэтажного дома, детские и не только детские страхи? И, наконец, вы мечтаете путешествовать во времени? Тогда за мной...

ISBN 978-5-44-836872-1

© Наумов Д.
© Издательские решения

Содержание

Пушкин	6
Кошка	18
Крот	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Стихи и рассказы Дмитрий Наумов

© Дмитрий Наумов, 2017

ISBN 978-5-4483-6872-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Люблю тебя за то, что от тебя исходит,
Люблю тебя за то, что я не говорю,
Люблю тебя за то, что вдруг ко мне восходит,
Когда я просто на тебя смотрю...

Пушкин

Р-р-раз.

...И он стоит на набережной реки Мойки. Вечер. Уже стемнело, и вода кажется черной. Сильный ветер с Невы создает небольшую рябь на воде, и фонари, стоящие на набережной, отражаются в ней, создавая хаотичный мелькающий блеск, напоминающий чешую. Еще один сильный порыв ветра, который чуть не сдул его цилиндр.

ЦИЛИНДР? Вася снял то, что было у него на голове, посмотрел, и это был действительно цилиндр. Черт возьми, цилиндр. Как в кино – черный, с небольшими полями, такой, как у капиталистов, какими их изображали в советские времена на агитационных плакатах, как у буржуинов, как у дяди Сэма, только черный...

Он огляделся по сторонам. Да, это его город, это Питер, но Питер был какой-то не такой.

Первое, что бросилось в глаза, – это освещение. Горели только фонари на набережной, а дома стояли сплошной серой массой и никакой подсветки, хотя это центр города – до Дворцовой площади рукой подать, а там Зимний дворец, Александрийский, мать его, столп, и все должно освещаться. Где это? Вася обернулся, и ноги подкосились: на набережной не было ни одной машины. Ни одной, хотя здесь всегда припарковаться было невозможно.

Справа раздался непонятный шум. Вася, вздрогнув, повернулся, и мимо него с грохотом пронеслась небольшая карета, запряженная парой лошадей. Он посмотрел ей вслед, потом опустил взгляд на мостовую, и это добило его окончательно.

Набережная Мойки была вымощена камнями. Точнее, гладкими булыжниками.

Он облокотился о чугунную ограду набережной.

– Нужно выпить, – вслух сказал он. Во рту все пересохло. – Или закурить.

Вася привычно полез рукой в правый карман, а кармана-то и не было. Он оглядел себя и понял, что одет в какой-то непонятный наряд: черные брюки, жилетка того же цвета с множеством пуговиц, очень длинный пиджак, почти до колен, белая сорочка и в левой руке цилиндр. Этот большой черный цилиндр. Ситуация глупейшая...

Еще не веря глазам, он стал ощупывать свою новую одежду. Наклонился, увидел черные лакированные ботинки без шнурков и тут услышал голос. Ангельский, как ему показалось, голос:

– Простите, сударь, вы что-то потеряли?

Вася резко обернулся и увидел действительно ангела. По крайней мере, глаза. Они были бездонны. Просто нырнуть и утонуть. Такие глаза Вася видел только... да нигде он не видел таких глаз. Марево...

– Я, собственно... – Вася сжал свой цилиндр с такой силой, что тот хрустнул. – Я здесь...

– Вы не из Петербурга? – спросил ангел. – А откуда вы приехали?

– Я...

Тут Вася заметил, что одет ангел действительно по-ангельски. По крайней мере, так не одевалась ни одна из его знакомых. Глухой ворот платья, широкие рукава с оборками и пышная юбка до земли, которая немного колыхалась при порывах ветра.

Он глядел и не мог оторваться. В голове кружились обрывки каких-то ассоциаций: XIX век, музей, картины... Да, такое он видел только на картинах или на картинках в учебнике по истории в школе.

Лицо девушки вдруг порозовело, она немного наклонила голову, и Вася увидел кончики ее ушей, которые тоже заалели. И шляпка. Небольшая серенькая шляпка в тон платью, которую Вася сначала не заметил.

– Простите, я не должна была так. – Девушка хотела пройти мимо, но Вася удержал ее за локоть.

– Спасибо вам, девушка, я рад, что вы...

– Кто? – девушка удивленно взглянула на Васю.

Вася немного опешил.

– Что, кто?

– Как вы меня назвали?

– Девушка, а что?

– Сударь, отпустите мою руку! – незнакомка вырвала локоть из Васиных рук, одернула пышную юбку, и уже хотела было уйти, но Вася снова схватил ее за локоть.

– Простите, я не знаю, как здесь разговаривают, но... барышня, помогите мне, пожалуйста, умоляю...

Девушка внимательно посмотрела на Васю, и он снова утонул в ее глазах. Она поджала губки, сощурился глаза, потом склонила голову набок, и, наконец, пришла к какому-то решению.

– Вы откуда?

– Отсюда, в смысле, из Питера, только не понимаю, что здесь происходит.

– Из Питера... Какое странное название. А чего вы не понимаете?

– Ну, лошади и вообще, – Вася еще раз попытался засунуть руку в карман. – Сигарет нет...

– Сигарет? Как странно вы говорите, – девушка вдруг вытащила из складок юбки веер и начала им обмахиваться. – А что еще?

– Еще? – Вася был в некоем недоумении. – Ничего. – А как вас зовут?

– Фи, как грубо, – девушка прикрылась веером. – Натали.

НАТАЛИ! Это имя вдруг как громом ударило. Все ассоциации и сумбурные мысли выстроились в цепочку. Картинки в учебниках, портреты, этот XIX век или XVIII (какая разница) и стихи. В голове вертелись какие-то стихи. Ну конечно!

Вася взял девушку за руку, которая держала веер, и бесцеремонно отодвинул ее, открывая лицо. Появились черты, и все сомнения исчезли. Невероятно. Точно, как две капли...

– Что вы делаете, сударь? – девушка вырвала руку и снова прикрылась веером.

– Простите ради бога, – Вася сжал обеими руками злосчастный цилиндр, от чего тот опять хрустел. – У вас, случайно, не Гончарова фамилия?

– Гончарова, а откуда вы... – она удивленно округлила глазки, и веер застыл чуть ниже носика. – Точнее, в девичестве, а сейчас...

– Пушкина, – прервал ее Вася.

– Да, а откуда вы знаете?

У Васи немного закружилась голова. «Господи, да кто же этого в России не знает, милая», – подумал он. Сердце билось часто-часто, но он взял себя в руки. А что, если...

– Наталья... э-э-э, Натали, познакомьте меня с вашим мужем, прошу вас. – Он резко опустился на колени, взял ее руку в ажурной перчатке и поцеловал.

– Встаньте, сударь, ведите себя прилично. – Натали высвободила руку.

Вася поднялся.

– Представьтесь! – глаза ее горели, а веер превратился в крылышко колибри, мелькая быстро-быстро.

Вася хотел назвать свою настоящую фамилию – Дубилов, но передумал. Нужно придумать что-то соответствующее обстановке. В голове вертелось только «Онегин», «Ленский» и почему-то «Чичиков». Он разжал пересохшие губы:

– Оленский, помещик Оленский к вашим услугам, – вымолвил он.

– Оленский? – Натали пристально смотрела на Васю, как бы пытаясь понять, врет он или нет. – Оленский... Что-то знакомое. Вы не были представлены ко двору?

– Нет. – Вася пытался хоть что-то придумать, вспомнить уроки истории, но это давалось с трудом.

– Нет. Я недавно приехал.

– А говорили, что отсюда – в смысле, из Санкт-Петербурга.

– Понимаете, я приехал из Пскова, из провинции, у меня там имение. Матушка, напутствуя меня, говорила, что к провинциалам в столице относятся несколько неблагоприятно, мягко говоря, поэтому я немного слукавил... – Вася едва поспевал мыслями за той околесицей, которую говорил. – Я приехал увидеть столицу, а заодно, возможно, завести нужные знакомства, выйти в свет – и тут вы. Это действительно дар божий. Познакомьте меня с вашим супругом, Наталья э-э-э...

– Николаевна.

– Наталья Николаевна, умоляю. Я человек чести, поверьте. В нашей губернии каждый скажет, что Дубило..., то есть Оленские – достойнейшие люди, а познакомиться с такой фамилией, как Пушкины, это большая честь для меня. А если он еще соблаговолит и пару строк написать, так я их в рамку на стенку повешу и молиться буду, – распаялся Вася. Видно, от пережитого стресса фантазия работала, как двигатель ракеты-носителя, унося его все выше и выше.

– Остановитесь, сударь, – Натали сложила веер и засунула его куда-то в складки пышной юбки. – Как вас прикажете величать?

– Василий Сергеевич, – назвал Вася настоящие имя и отчество.

– Хорошо, Василий Сергеевич, я вас познакомлю, но Александр в это время обычно работает, поэтому я и ушла на прогулку. Вам придется подождать, он злится, когда его отвлекают.

– Ничего, я подожду, – с благоговением сказал Вася. – Я очень сильно подожду.

– Хорошо, сударь, соблаговолите пойти за мной.

И Наталья Гончарова, чуть приподняв юбку, чтобы она ей не мешала, пересекла мощеную камнем набережную Мойки и направилась к дому номер двенадцать, известному всем школьникам, по крайней мере, Советского Союза, а Вася последовал за ней, еще не веря в то, что ему предстоит увидеть.

Они вошли под арку и оказались в достаточно большом внутреннем дворе. С четырех сторон подступали стены с выходящими во дворик окнами. Несколько дверей из светлого дерева, выходящих во двор, таких больших, как показалось Васе, и громоздких почти сливались с темно-желтым фасадом самого дома. Каждую выделял только черный металлический козырек с висевшим на нем сбоку массивным фонарем. Листья на небольших кустарниках, расположенных по периметру двора, были еще зелеными, но кое-где, как ржавчина, проглядывала желтизна. «Осень, – сообразил Вася. – Ну хоть это понятно».

Наталья Николаевна легкой походкой устремилась к одной из дверей, которая была немного приоткрыта, взялась за ручку и с усилием потянула на себя.

– Кто же придумал такие тяжелые двери? – сквозь зубы сказала она.

Вася поспешил ей на помощь, и они, наконец, справившись с этим препятствием, вошли внутрь, поднялись по скрипучей деревянной лестнице на второй этаж и оказались в небольшом холле.

Свет из окна, выходящего во двор, озарил стены, окрашенные в нежный свето-зеленый цвет. На них в хаотичном порядке висели картинки в прямоугольных рамках с изображением каких-то незнакомых Васе людей. Небольшая этажерка, смешной маленький полосатый диванчик, пара стульев – вот и все убранство.

– Простите, мы недавно переехали и все никак не можем обустроиться, – сказала Натали, снимая прозрачные ажурные перчатки. – Присядьте пока на диван, я предупрежу Александра. Марфа, прими, и горячую воду подай!

Последняя фраза, которую Наталья Николаевна произнесла, удаляясь по длинному коридору, предназначалась явно не Васе. Он еще раз огляделся, подошел к полосатому диванчику и осторожно опустился на него, боясь что-нибудь сломать. «Кому скажи, – подумал он, – сижу на музейных экспонатах и нигде не написано: «Руками не трогать#».

Из глубины коридора, которого Вася не мог рассмотреть со своего места, раздавались приглушенные голоса, в основном женские и, как показалось Васе, детские. Где-то хлопнула дверь, снова женский голос, потом явно мужской, по интонации как будто раздраженный. Вася не мог разобрать слов, как ни вслушивался. Что-то рядом хрустнуло. Вася вздрогнул, опустил взгляд и понял, что он окончательно доломал цилиндр, который, нервно сжимая в руках, превратил в бесформенную массу, напоминающую теперь, скорее, покореженную сковородку. Он положил его рядом на диван и потер ладони – руки вспотели.

Послышались легкие шаги, и вскоре из коридора вышла Наталья Николаевна.

– Василий Сергеевич, благоволиите пойти за мной, Александр примет вас.

Вася поднялся с дивана, подошел к Натали, и они вместе пошли по коридору.

– Василий Сергеевич, – тихо произнесла она, чуть повернув голову в его сторону. – Саша очень не любит, когда его отрывают от работы. Понимаете? Он очень вспыльчив. Не знаю, почему он согласился вас принять сейчас, но умоляю – не злоупотребляйте его временем.

Они подошли к одной из дверей, выходящих в коридор, и остановились. Наталья Николаевна встала напротив Васи и посмотрела на него своими бездонными глазами.

– И еще, – почти шепотом сказала она. – Не обращайтесь на его причуды. Творческая личность, сами понимаете. Если начнет чудить, за пистоль хвататься или за шпагу – сразу бегите. У нас уже такое бывало.

С такими напутствиями Наталья Николаевна без стука распахнула дверь, втолкнула внутрь потеющего, ничего не соображающего Васю и напоследок произнесла:

– Саша, Василий Сергеевич Оленский, прими его, пожалуйста. Дверь захлопнулась, и Вася остался наедине с историей...

Первое, что бросилось в глаза, – это большой, во всю стену, шкаф, набитый книгами. Он как бы расползался по всей стене и возвышался от пола до потолка. Полочки были плотно забиты, но, видно, шкафу этого показалось мало и в центре он выдвинул (родил) из себя еще одно отделение – перегородку, которая разделяла его на две части и тоже была заполнена книгами. Если смотреть сверху, то шкаф был похож на букву «ш».

Гость быстро огляделся – хозяина не было. В центре комнаты на цветастом ковре стоял небольшой стол с разбросанными бумагами и еще какими-то непонятными Васе предметами. Справа, у стены, – большой черный диван, рядом кресло, почему-то обшитое красным бархатом. На стенах такого же светло-зеленого цвета, как и в холле, где он давеча сидел, висели небольшие портреты. Окно между шкафом и диваном выходило во двор, но давало достаточно света.

За средней секцией послышалось какое-то шуршание. Вася вздрогнул. Он стоял у двери и не мог видеть, что там происходит. Раздался глухой стук – что-то упало на пол.

– Вот черт! – голос был явно раздраженным.

Вася облизал пересохшие губы, вытер потные ладони о штаны.

– Простите...

– Нет, это вы меня простите, сударь, – донеслось из-за шкафа. – Никак не могу найти Сократа. С этим переездом одно несчастье. А, вот он.

Еще мгновение, и, наконец, показался сам хозяин кабинета.

Копна черных вьющихся волос, бакенбарды, доходящие до уголков рта, но не растрепанные, а аккуратно подстриженные, большой, явно не по размеру, бордовый халат, под которым угадывалась белая, с глухим воротом, сорочка. Он подошел к столу и пристально посмотрел на Васю.

– Вот, – в руке оказалась небольшая книжца в коричневом переплете. – Иногда очень умные вещи можно найти у этого сукина сына.

Вася стоял у двери и во все глаза глядел на «наше все».

– Вот, к примеру... – хозяин кабинета открыл книжку и пролистнул несколько страниц. – Вот: «Лучшая приправа к пище – голод». А, каково? Или вот: «Женись несмотря ни на что. Если попадется хорошая жена – станешь исключением, если плохая – философом». Ха-ха-ха, не знаю уж, какая у меня жена, исключением я вроде уже стал, но в последнее время все больше и больше читаю философов.

Вася стоял, глупо улыбаясь, и не знал, что ему предпринять дальше. Заговорить? Но он не знал, с чего начать. К счастью, обстановку разрядил сам хозяин.

– Что же вы, сударь, у двери стоите? Проходите, садитесь на диван. – Небольшая рука вынырнула из широкого рукава халата и указала Васе путь к дивану. – Натали сказала, что вы во что бы то ни стало хотели познакомиться со мной? Извольте. Я Пушкин. А вас, простите, как величать? Натали говорила, но я позабыл.

– Оленский, – шепотом сказал Вася.

– Как?

– Оленский, – повторил он. – Василий Сергеевич.

– Сергеевич? Тезки, значит, по батюшкам. – Пушкин снова удалился за шкаф и выволок оттуда за спинку большой резной стул. Стул был настолько огромен, что, когда он поставил его рядом со столом, спинка оказалась чуть ли не на уровне подбородка поэта. – Тезки, значит, – повторил он и плюхнулся на мягкое сиденье, оказавшись напротив Васи.

– Вы, сударь, сатирой случайно не увлекаетесь? – спросил он, пристально глядя на Васю.

– Что?..

– Сатирой. Или стишки крамольные не пишете случайно – скажем, про государя, а?

– Я не понимаю, – оторопел Вася.

– Не понимаете!!! – вскричал Пушкин, внезапно вскочив со стула. – Из газетенки какой-нибудь пожаловали!? Статью на меня хотите написать!? Я же вас насквозь вижу, писаки ебаные! В Москве от вас покою не было, переехал в Петербург – и тут, на тебе, явились!

Пушкин нервно заходил из стороны в сторону, заложив руки за спину. Он смотрелся достаточно комично: маленький кудрявый человек в огромном, не по размеру, халате чуть ли не вприпрыжку ходил перед Васей то вправо, то влево, но Васе в данной ситуации было не до смеха.

– Оленский он! Это надо же, ОЛЕНСКИЙ!!! – почти кричал поэт. – Поумней бы что-нибудь придумали. Когда жена мне сказала, кто меня хочет видеть, я сразу согласился вас принять, чтобы посмотреть в ваши наглые глазки. Это надо же – назваться фамилией героя моего собственного романа! – Пушкин остановился у стола, взял с него недавнюю книжицу Сократа и вдруг с силой запустил ее в Васю.

– Вон!!! – заорал он. – Вон, или пристрелю, сука!

Книга ударилась о спинку дивана, аккуратно справа от Васи. Он вскочил. Испуг смешался с яростью, и Вася заорал на светило русской поэзии.

– Сам сука! Я поэт! Не из какой я не из газеты! Познакомиться пришел, а вы!..

Их разделяло какие-то три метра, и на таком расстоянии было видно, что ростом Пушкин Васе где-то по плечо. Тем временем лицо поэта изменилось, и из гневного приобрело,

скорее, удивленное выражение. Он еще немного постоял, облокотившись о стол, потом снова сел на свой огромный стул, не отрывая взгляда от Васи.

Дверь с тихим скрипом отворилась, и в проеме появилось испуганное лицо Натальи Николаевны.

– Саша, у вас все в порядке?

– Да, милая, все хорошо. – Пушкин нетерпеливо махнул рукой, и дверь закрылась.

– Поэт? – спросил он спокойно. Маленькая ручка снова указала Васе на диван, и тот послушно сел.

– Да, – сказал Вася, отодвигая от себя потрепанный томик Сократа. – Поэт, но неизвестный, начинающий.

– И как же ваша фамилия, позвольте узнать?

– Дубилов, – тихо сказал Вася и потупил взор.

– Да, тогда уж лучше Оленский, – как бы про себя сказал Пушкин. – Ладно, э-э-э... Василий Сергеевич, забудем то, что было. Знаете, нет покоя от газетчиков. Тут про меня в Москве такое писали, вы бы только знали. Два раза на дуэль вызывал этих писак, но так они же все трусы.

Пушкин встал со стула и подошел к крайнему отделению своего огромного шкафа с книгами. Он взялся за одну из полок, и она открылась, словно дверца.

– Выпить не желаете чего-нибудь за примирение? – сказал он, залезая руками внутрь потайного отделения, откуда послышалось характерное позвякивание.

– Да, спасибо, – пробормотал Вася. – Что-нибудь покрепче, если можно.

Пушкин обернулся, правая бровь удивленно вздернулась.

– Покрепче? Уважаю.

Он вернулся с двумя бокалами в руках, один из которых протянул Васе.

– Вот, пожалуйста, настоечка на облепихе с клюквою. Мой друг Нащокин Паша ездил недавно к себе в деревню, привез и мне вот презентовал.

Вася взял бокал, посмотрел на розоватую жидкость и залпом выпил. Горло обожгло. Сильно обожгло, даже слезинка выкатилась из правого глаза, но он справился. Градусов шестьдесят – не меньше. Пушкин вернулся к своему креслу, сел и сделал небольшой глоток из своего бокала.

– А я винца с вашего позволения. Завтра аудиенция у государя, надо быть свежим и здравомыслящим. – Он увидел, что бокал в руках Васи опустел, и усмехнулся.

– Если хотите еще – милости прошу, только наливайте уж впредь сами. Вон там все найдете. – Он небрежно махнул рукой в сторону шкафа. – Но сначала позвольте послушать что-нибудь ваше. Вы ведь и за этим сюда пришли?

Вася кивнул.

– Ну, вот и извольте, с удовольствием послушаю, совет дам, а, может, и сам чему-то поучусь. – Поэт усмехнулся.

Ну вот, приехали. Вася нервно потеревил в руках пустой бокал. А что же прочитать-то? Стихи он какие-то помнил из школьной программы, но, как ни парадоксально, они были именно Пушкина. Да-да, Александра Сергеевича, который сейчас сидел пред ним собственной персоной и отхлебывал маленькими глотками вино из бокала.

– Ну, что же вы? – нетерпеливо спросил хозяин кабинета. – Али забыли? Это нормально. Я, когда начинал, тоже все записывал и по бумажке читал друзьям. Даже на экзамене в лицее перед стариком Державиным тоже листочек был – на всякий случай. Знаете, как волновался? Ужас! Но, признаюсь, это был один из лучших моментов в моей жизни. Как сейчас помню. – Он закрыл глаза, мечтательно задрал подбородок и произнес:

Страшись, о рать иноплеменных!

России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад; летят на дерзновенных,
Сердца их мщеньем зажжены.
Вострепещи, тиран! Уж близок час паденья!
Ты в каждом ратнике узришь богатыря,
Их цель иль победить, иль пасть в пылу сраженья
За Русь, за святость алтаря.

Тишина повисла в кабинете. Вася смотрел на гения во все глаза, даже рот приоткрыл. «Жалко, что нет диктофона», – вдруг почему-то подумал он. Между тем поэт отхлебнул из бокала, посмотрел на Васю, и, увидев выражение его лица, засмеялся.

– Проснитесь, сударь! – воскликнул он.

Вася вздрогнул, и бокал чуть не выпал из его рук.

– Меня вы послушали – теперь ваша очередь. Жду с нетерпением. Или, может быть... – Пушкин взглянул на пустой бокал в руках Васи, поднялся со стула и направился к потайной дверце в книжном шкафу. Достал початую бутылку, подошел и наполнил Васин бокал.

– Ну, смелее! – сказал он, возвращаясь на место.

В голове вертелось какое-то «трали-вали, тили-тили», песни из мультиков, детские стишки – больше ничего. «А какого черта, – вдруг подумал Вася. – Выгонит так выгонит. Я и так уже тут увидел то, что всю жизнь буду помнить».

– Вот, пожалуй, это, – пробормотал он, посмотрел на бокал, который был полон до краев (хозяин кабинета не пожадничал), сделал большой глоток, зажмурился и выдал:

Жил на свете человек,
Скрюченные ножки,
И гулял он целый век
По скрюченной дорожке.
А за скрюченной рекой
В скрюченном домишке
Жили летом и зимой
Скрюченные мышки.
И стояли у ворот
Скрюченные елки,
Там гуляли без забот
Скрюченные волки.
И была у них одна
Скрюченная кошка,
И мяукала она,
Сидя у окошка...¹

Тишина повисла, можно сказать, оглушительная. Вася боялся открыть глаза, а когда все же открыл, увидел Пушкина, сидящего с выпученными глазами и открытым ртом. Бокал в его руке наклонился, и оставшееся вино тонкой струйкой стекало на пол. Так они сидели и смотрели друг на друга, как показалось Васе, целую вечность.

Наконец, поэт пришел в себя, закрыл рот, посмотрел на практически пустой бокал, вылил остатки вина на пол, взял бутылку настойки, которую наливал Васе, нацедил себе

¹ Чуковский К. И. «Скрюченная песня»

полбокала и залпом выпил. Зажмурившись, он поднес руку к лицу, и, уткнувшись длинным тонким носом в рукав, шумно вдохнул.

– Вы детский поэт, – не спросил, а констатировал он.

Вася последовал примеру гения и выпил остатки из своего бокала.

– Да, в общем, – сказал он. – Детский поэт. А что, плохо?

– Это великолепно! – воскликнул Пушкин, вскакивая со стула.

Он заметался по комнате, семена из стороны в сторону. Халат путался под ногами. Волосы, которые он нервно пытался пригладить рукой, топорщились в стороны.

– Великолепно, – повторил он, остановившись напротив Васи. – Стихи для детей! У нас так мало пишут для детей!

Он метнулся к столу, схватил бутылку настойки и плюхнулся рядом с Васей на диван.

– Понимаете, я сам пишу для детей! Сказки пишу и неплохие, как говорят, сказки, – взволнованно говорил он, наполняя бокалы. – Читали, ведь, наверное, «О царе Салтане», «Золотой петушок»?

– Конечно, читал, – Вася пытался не разлить налитую до краев в бокал настойку. – И детям читал...

– То-то и оно! – Пушкин подпрыгнул на диване, от чего содержимое бокалов у обоих все-таки пролилось на пол. – Детям читал. И как, понравилось детям?

– Еще бы!

– А сколько лет детям?

– Ну... – Вася немного замялся. Своих детей у него не было, а детям друзей, которым он действительно читал стихи Пушкина, было...

– Лет семь, наверное, – предположил он.

– Вот! – воскликнул поэт. Он был слишком эмоционален. – Семь лет! А младше? Те, которые младше?! Им нужны простые стихи, короткие. Простые рифмы: елки – волки, кошки – дорожки, чтобы они говорить учились. Языку русскому учились, понимаешь?

Он снова вскочил с дивана, встал напротив Васи и чокнулся с его бокалом.

– Давай еще что-нибудь! – с азартом сказал он. – Ну?!.

Вася замешкался. Стихи, которые он только что прочитал, были в его голове с детства, он их помнил наизусть. Они ему самому нравились – еще в третьем классе на Новый год читал их пред Дедом Морозом. Что же еще? Может, Чуковского? И Вася влепил Чуковского – из того, что помнил:

Робин Бобин Барабек
Скушал сорок человек,
И корову, и быка,
И кривого мясника,
И телегу, и дугу,
И метлу, и кочергу,
Скушал башню,
Скушал дом
И кузницу с кузнецом.
А потом и говорит:
«У меня живот болит!»

Лицо Пушкина покраснело, глаза закатились. Вася испугался, что сейчас с поэтом случится удар. Он даже на миг представил заголовки газет: «Великий поэт умер, распивая с незнакомцем настойку на облепихе с клюквой». Но потом голова поэта запрокинулась, и стены кабинета сотряс громкий хохот.

– БАРАБЕК!!! – сквозь смех кричал светило русской поэзии. Он снова упал рядом с Васей на диван и смеялся еще минут пять, стуча ногами по полу.

Немного успокоившись и переведя дух, он посмотрел на Васю, вытирая выступившие слезы.

– Откуда ты эти образы берешь? Кто такой Барабек?

– Ну... – Вася задумчиво надул щеки, пытаясь найти нужный ответ. – Так. Для рифмы просто...

– Для рифмы, – повторил поэт. Он встал с дивана и немного шатающейся походкой пошел к потайной дверце шкафа.

Пустая бутылка с настойкой валялась на полу под диваном. Вася допил остатки содержимого своего бокала и только сейчас почувствовал, что сильно пьян. Ну не то чтобы сильно – говорить он мог членораздельно, но страх перед ситуацией, а главное, перед исторической личностью, которая сейчас копошилась в импровизированном баре, исчез полностью.

– Смородина! – послышалось у шкафа. – Натурально, смородина!

Пушкин, наконец, вынырнул из недр, и в руках у него была бутылка с темной жидкостью. Он нетвердой походкой подошел к Васе и протянул ему бутылку.

– Это тоже Нащокина подарок. Ох и знатные у него в деревне настойки делают.

Вася принял увесистую бутылку, понюхал у горлышка и по голове разнесся терпкий запах смородины вперемешку со спиртом.

– Давай, – сказал поэт, садясь рядом и протягивая бокал.

Вася попытался налить, но в глазах бокалов было почему-то два. Он выбрал правый и вроде попал – оба стали наполняться темной жидкостью. Посмотрев в глаза хозяину, он обнаружил вместо двух глаз четыре.

– Послушай, Александр Сергеевич, а ты говорил, что завтра тебе к государю, на эту, как его... – Вася пытался найти нужное слово. – Во: на аудиенцию, – с трудом выговорил он.

Четыре глаза непонимающе моргнули несколько раз. Вася мотнул головой, и глаз снова стало два.

– К государю? – повторил Пушкин. – К государю – это святое. Умнейший человек, но дурак.

– В смысле? – не понял Вася. Он как раз наливал себе и остановился. – Как это?

– А, – поэт махнул рукой. – Как это, как это – так это. Вот смотри: я камер-юнкер, представляешь? Камер-юнкер, мать его. Пушкин – камер-юнкер, понимаешь?!

– Нет. – Вася слизнул с горлышка бутылки каплю.

– Меня знает вся Россия, а я только камер-юнкер, – с горечью сказал поэт. – И выше не дают. Чувствую, так в этом чине и похоронят.

Вася поставил бутылку на пол рядом с диваном и повернулся к сидящему рядом себе-седнику.

– Вот что я тебе скажу, Алексан Сергеевич, – произнес Вася заплетающимся языком. – Неважно, в каком чине тебя похоронят, ты уже бессмертный. Ты «Евгения Онегина» уже написал?

– Написал, – кивнул поэт.

– А эту, как ее, «Руслана и Людмилу»?

– Угу.

– Ну и все, значит, дело в шляпе. Через двести лет оперы по ним будут ставить и фильмы снимать.

– Что снимать? – поднял брови Пушкин. Глаза его при этом были полузакрыты. – Какие фильмы?

– Художественные. – Вася на миг задумался, посмотрел на поэта, потом на бокал и сделал большой глоток. – А, не бери в голову, у вас еще это не изобрели.

– Не изобрели, – повторил Пушкин.

– Давай лучше споем! – Вася потряс захмелевшего поэта за плечо, от чего его кудрявая голова мотнулась из стороны в сторону.

– Давай, только у меня слуха нет.

– Серьезно? У Пушкина нет слуха?

Поэт мотнул головой.

– Вот это да, это же историческое открытие! – воскликнул Вася. – Ладно, давай я начну, а ты подхватывай.

Вася попытался сосредоточиться, вспоминая какую-нибудь застольную песню, набрал в грудь воздуха и затянул:

Раскинулось море широко,
И волны бушуют вдали.
Товарищ, мы едем далеко
Подальше от милой земли...

Наталья Николаевна Гончарова (ныне Пушкина), сидела в спальне и делала вид, что читает. Спальня находилась по соседству с кабинетом, и она пыталась уловить звуки, которые доносились из-за стены. Стены были толстые, слышимость плохая, но когда за стеной запели, это услышала и она.

Натали решительно захлопнула книгу, резко поднялась и вышла в коридор. Здесь пение слышалось громче. Из дальней по коридору двери высунулось удивленное лицо служанки, и та вопросительно посмотрела на барышню. Наталья Николаевна махнула рукой и лицо исчезло. Она подошла к двери в кабинет и резко, без стука, открыла.

В нос сразу ударил запах перегара с нотками смородины. На диване в обнимку сидели ее муж и давеча приглашенный господин. Они раскачивались (каждый держал в руке по бокалу) и напевали какую-то неизвестную протяжную песню. Она решительно подошла и встала напротив.

– О, Наташенька, познакомься, это Василий – детский поэт, – сказал Пушкин и улыбнулся.

– Мы знакомы, – произнесла Натали. Она подошла и решительно взяла у него из рук бокал.

– Александр, что здесь происходит? Тебе завтра у государя назначено, в каком виде ты предстанешь пред монаршие очи?

– К государю? – переспросил поэт. – Ну, назначено, значит, назначено. Не волнуйся, милая, русские поэты меру знают. – Он вдруг привалился к Васиному плечу и через секунду захрапел.

– Василий Сергеевич, помогите положить его на диван, – сказала Натали.

Вася, пошатываясь, встал, и они вместе уложили поэта на диван. Хозяйка взяла плед, сложенный на кресле рядом, и стала укрывать им мужа.

– Василий Сергеевич, Александру нужно отдохнуть, завтра важный день для него – не обессудьте.

– Понимаю, – сказал Вася. Он пытался не шататься перед дамой. И это получалось с трудом. – Вы позволите, я напишу ему пару слов. – Вася показал пальцем на письменный стол.

– Извольте.

Вася подошел к столу. На нем в правом углу стояла изящная чернильница в виде арапчонка, из которой торчало несколько перьев. Вася не умел пользоваться такими письменными принадлежностями, поэтому, когда взял одно из перьев, то сразу испачкал пальцы чернилами. Он поискал глазами чистый лист, взял его и коряво, как мог, написал несколько слов. Положив листок в центр стола, он бросил на него перо и обернулся. Наталья Николаевна как раз закончила укладывать мужа.

Они вышли из кабинета и пошли по коридору к выходу.

– Вы действительно детский поэт? – спросила хозяйка дома, идя рядом с Васей и перидически его поддерживая, когда он уж слишком заваливался в ту или другую сторону.

– В каком-то смысле, – неопределенно ответил Вася.

– Вы, видно, произвели сильное впечатление на Александра – никогда его таким не видела.

Они спустились на первый этаж и вышли во двор.

– Всего хорошего, Василий Сергеевич. Дорогу найдете? Вон в ту арку. – Она показала рукой направление. – Заходите завтра к вечеру, я думаю, Александр будет рад вас видеть.

– Непременно, – сказал Вася и хотел приподнять цилиндр, а потом вспомнил, что оставил его в гостиной в изрядно потрепанном состоянии. «А, ну и черт с ним», – подумал он, и, пошатываясь, пошел к арке.

Он точно помнил, что когда входил сюда, никаких дверей в проходе не было. Сейчас же дорогу ему преградила высокая деревянная стена, упиравшаяся как раз под своды арки, и посередине была большая деревянная дверь с золоченой ручкой. Не придав этому большого значения, Вася ухватился за ручку, открыл дверь и оказался на набережной Мойки.

Действительность отрезвила его почти сразу. Мимо, сигналив, проехал серый джип. В бок кто-то толкнул, от чего Вася отступил на пару шагов назад. Проходящий мимо мужик зло посмотрел на него и пошел дальше.

Был вечер. В окнах домов напротив горел свет, а на набережной – фонари. Воздух был наполнен звуками проезжающих машин и голосами людей. Где-то играла музыка, у Дворцовой площади стояло несколько автобусов, и кто-то в рупор зазывал народ на очередную экскурсию по городу.

Вася стоял, прижавшись к деревянной двери, постепенно приходя в себя. Он обернулся и подергал ручку. Дверь была закрыта. Подняв глаза, он увидел табличку, которая гласила: «Посещение музея-квартиры Пушкина с 10:00 до 18:00». «Сейчас уже часов десять вечера», – подумал он. – Однако что за наваждение? Это что, уже белая горячка?!

Вася не на шутку встревожился и полез в карман за сигаретами. Карман был там, где и должен быть в короткой кожаной куртке. Вася посмотрел на себя сверху вниз. Одежда была его: синие джинсы с дыркой чуть выше коленки, коричневые грязные ботинки на шнурках и кожаная куртка. Он достал сигарету из пачки, засунул в рот и вздохнул.

– Если это белая горячка, то прикольно, – сказал он вслух и улыбнулся.

Вася поднес зажигалку к лицу и глаза его округлились. Пальцы правой руки были испачканы чернилами...

Александр Сергеевич проснулся в семь утра. Голова была как ватная, но не болела. Он, кряхтя, сел на диване, и, запустив руки в густую шевелюру, оперся локтями о колени. Посидев так, скрючившись, минут пять, он поднялся и неровной походкой засеменил к шкафу, где была открыта потайная дверца. Достав графин с темной жидкостью, он через край стал жадно пить. Опустошив где-то четверть, выдохнул и вытер рот ладонью.

– Хороший квасок, то, что надо, – сказал он вслух.

Поставив графин на место, поэт подошел к столу и вдруг увидел белый лист бумаги, на котором лежало перо, оставившее кляксу в углу листа, а сверху было что-то написано. Он поднял листок, прочитал, опустил на стул и уставился в одну точку.

Надпись гласила:

На Черной речке стреляй первым.

Вася

Кошка

Выпив чаю, разомлев немножко,
Развалившись томно на кровати,
Глядя в потолок, я глажу кошку,
Про нее и расскажу вам, кстати...

Года два она живет в квартире,
Научилась кушать там, где надо,
Писает и какает в сортире,
И, я думаю, что жизни своей рада.

У нее нет пышной родословной,
Папа был на кошек слишком падкий,
Свою маму вряд ли она помнит,
Что живет сейчас на Петроградке.

Не скажу, что ласковая очень —
Может зашипеть и покусаться,
Но весной, когда кота вдруг хочет,
Лезет целоваться и ласкаться.

Вечером приходишь ты усталый,
Не в себе, спал плохо прошлой ночью,
А она потерлась, помурчала,
Рада, думаешь? Нет, просто кушать хочет.

И всегда, хоть в будни, в выходной ли,
Утром, когда сон чудесный снится,
Как комар, становится назойлива,
Что приходится лишь встать и покориться.

Если в доме кошка изначально,
Есть места, ей облюбованы давно,
Выбирать она их будет неслучайно —
Там, где выше, где теплее, где окно.

Бегает, задрав пушистый хвост,
И играет с тем, что подвернется,
Глядя на нее, любой нарост
Негатива или боли рассосется.

Согласитесь, сидя в мягком кресле,
Голову откинув на подушку,
На душе вдруг полегчает, если
Кошку мнешь, как мягкую игрушку...

Крот

Дима копал уже второй час. Он вскопал одну грядку, она была очень длинной. Попадались какие-то корни, которые приходилось выдирать, но он справился. Сейчас нужно было вскопать еще одну и все, можно ехать домой. Дома в холодильнике стояла пара пива, еще водочки немного осталось – красота. Дима постучал штыком лопаты по стволу рядом растущей яблони, чтобы сбить налипшую землю, и подошел к следующей грядке. «Да, работы много, но если постараться, за часик управлюсь», – подумал он и с остервенением воткнул лопату в землю.

Приехать на дачу в Синявино его попросила мама. Она сказала, что нужно вскопать пару грядок перед зимой, чтобы почва лучше дышала.

На дворе был конец сентября. Небо сплошь затянуто тучами, с утра моросил мелкий дождик, но к полудню прекратился. Листья на деревьях только начали желтеть, еще даже не опадали, но в воздухе чувствовалась осень. Температура была градусов пять, но Дима изрядно вспотел, трудясь над первой грядкой, и останавливаться не собирался. «Сейчас все закончу и домой, к пиву...»

Работа шла споро. Он практически вскопал полгрядки, когда лопата наткнулась на что-то твердое, да не просто твердое, а металлическое, потому что раздался характерный звук: «дзынь». Дима вытащил лопату, посмотрел на нее, потом снова воткнул в землю. «Дзынь» – раздалось снова.

– Что за хрень, – сказал он вслух, – может, мина?!

Во время Великой Отечественной войны здесь были ожесточенные бои, и люди до сих пор находили у себя на участках отголоски этих страшных дней – то каску дырявую, наполовину сгнившую, то снаряд неразорвавшийся. Дима помнил, как этим летом приезжали эмчэ-эсники, огородили участок неподалеку и никого не подпускали. Соседи потом сказали, что бомбу какую-то нашли. А в прошлом году, говорили, пацаны пошли в лес, разожгли костер и подорвались. Видно, мина старая была в земле, а они на ней как раз костер и запалили. Пошли в лес пятеро, а вернулись три с половиной. Одного сразу разорвало, а другой без ноги остался, еле дотащили.

Дима отставил лопату, опустился на колени и принялся разгребать землю руками. Скоро показалось что-то блестящее, округлое, он начал рыть быстрее, но осторожнее, собирая землю в горсти и откидывая в сторону. Результатом его трудов стала верхушка небольшого самовара.

Именно самовара. Дима представлял, как выглядит самовар, но этот был уж слишком маленький. Он ухватился за ручки по бокам, напрягся и с силой выдернул его из земли. Сев на землю, хоть она уже была довольно прохладная, он поднял самовар выше на вытянутых руках и стал его рассматривать. Даже при таком скудном освещении (солнца не было) Дима увидел характерную белизну металла. Округлые бока были испещрены мелкими царапинами, и вообще от всего этого предмета исходило ощущение древности. Он поднес самовар ближе, понюхал – пахло плесенью.

– Черт побери, а ведь это серебро! – сказал он. – Ей-богу серебро! И, по-моему, очень старое.

«Вот спасибо, мама, вскопал грядочку», – подумал Дима. Он снял с руки одну перчатку и аккуратно стал стирать с самовара остатки земли. Протер один бок и принялся за ручку, когда земля под ним вдруг завибрировала. Вернее, не под ним, а рядом, в метре от него, она пошла трещинами, начала подниматься, как будто оттуда кто-то хотел вылезти. Комья полетели в разные стороны, образовалась небольшая куча, из центра которой медленно показалась небольшая пушистая продолговатая голова.

Розовый носик, мелкие белые усики... Глаза почему-то были закрыты или зажмурены, маленькие ушки чуть шевелились. Существо, напрягшись, еще подалось вверх, и показались огромные лапы с большими когтями. (Огромные по отношению к этому существу, потому что каждая была величиной с его голову; само же существо, если судить по верхней части, показавшейся из под земли, в длину не превышало тридцати сантиметров). Дима так и сидел на земле с самоваром в руках, открыв рот, и не мог поверить своим глазам.

– Да, попили чайку! – существо смахнуло с усиков остатки земли. – Спасибо, как говорится, за прекрасный вечер.

Дима вытаращил глаза, голова вдруг начала кружиться, и он поставил самовар на землю.

– Ну, чего молчишь-то?

Да это же крот! Точно, крот! Мать говорила, что у них на участке, как приедут на дачу, везде эти холмики земли, вот точно такие же, из которого сейчас выглядывало это существо.

– Ты так и будешь молчать или вякнешь чего-нибудь? Я же слепой, дай сориентироваться на голос.

– Простите? – Димин голос звучал как-то неестественно для него самого.

– А, вот ты где, – маленькая головка повернулась в его сторону. – Нет, не прощу! Семью без чая оставил. Сиж, никого не трогаю, пью чай с семьей, вдруг, хренак, самовар улетает вверх, с женой чуть инфаркт не случился. Вот представь, сидишь ты, водку пьешь, вдруг с потолка рука, бутылку хватить и тью-тью. А? Как бы ты себя почувствовал?

Во время этой тирады ротик зверька постоянно двигался, обнажая ряд мелких, но довольно острых зубов, усики забавно подергивались, а лапками он нервно стучал по насыпи, непроизвольно утрамбовывая ее.

– П-простите, вы крот? – промямлил Дима.

– Эх, крот... Ну да, крот! Вечно вы, люди, называете все дебильными какими-то именами. Закуску мою червяками называли, бутерброды – личинками всякими, еще по-латыни придумали, даже салат мой у вас называется «корни растений». Какие, на хрен, корни! Салат он и в Африке салат, мясо – оно мясо, а бутерброды – бутерброды. – Он нетерпеливо мотнул головой. – Ладно, если тебе так удобнее, называй меня кротом, хотя по-нашему я жираф.

– Что? – Дима открыл рот.

– А-а, повелся, – ротик крота изобразил что-то наподобие улыбки. – Ладно, пошутил. Я крот, будем знакомы. Тебя как кличут?

– Я Дима.

– Дима, – крот причмокнул, как бы попробовав это имя на вкус. – Ладно, пусть Дима. Ну, что ты хочешь от меня, Дима?

– В смысле? – Дима постепенно начал приходить в себя. Первый шок уже прошел, но здравый рассудок возвращался очень медленно.

– Что «в смысле»? – крот нетерпеливо побарабанил лапками по насыпи.

– Простите, я как-то не привык разговаривать с кротами, поэтому не знаю, что сказать.

– А, ну да, – крот забавно махнул лапкой. – Ты же не в курсе и я, дурак старый, забыл объяснить. Между прочим, ты в этом виноват: забираешь самовар, жена при смерти, дети орут – конечно, как маму родную зовут, забудешь.

– А у вас там жена? – Дима ткнул большим пальцем в землю.

– Да, жена, – крот гордо выпятил грудь вперед и попытался подбочениться лапками. – Здесь, на вашем участке, одна жена и пятеро ребятишек, через дорогу, у Насановых, ну, знаешь, где сейчас Толик живет, еще жена, там три девочки, на девятой линии, около пруда, еще жена, там вообще хорошо – двое парней и две девочки, у Буровцевых, так там...

– Я понял, понял, – быстро сказал Дима. – Я хотел спросить: а почему о вас никто не знает? Ну, почему не знают, что вы, в общем, разговариваете по-нашему?

Кроту явно не понравилось, что его перебили. Он недовольно что-то пробурчал себе под нос, зашевелился всем телом и вылез полностью из кучи. Задние лапки у него были еще больше, а сзади шевелился небольшой хвостик.

– Почему-почему – по кочану. – Он сел на зад, прямо как человек, привалился к насыпи и стал задумчиво обгрызать коготки на передних лапках.

– Потому что вы нас за вредителей считаете. Что, разве не так? Вон, мама твоя поставила каких-то хреней крутящихся, от них земля вибрирует – жуть! Дети заснуть не могут, орут всю ночь, точнее, весь день, точнее, когда у вас ночь, а у нас день. Ну ты понял, в общем. – Крот нервно шмыгнул носом. – Что мне, каждый раз вылезать и орать: эй, хватит спать мешать! Так, что ли? Ведь мама твоя со страху может и лопатой меня приложить, а я слепой, увернуться не смогу да и испугаться она может до усрачки. Тебе мамы, что ли, не жалко?

Дима уже пришел в себя и его начал забавлять этот нервный, но обаятельный крот.

– Простите, – сказал он, – вот вам самовар, можете забрать. Хотите, я вам еще и сахара принесу, и конфет – у меня в машине остались, шоколадные...

– Не надо, – проворчал крот. Видно было, что он уже успокоился, почесал правой лапкой за ухом, потом засунул ее наполовину в землю, вытащил небольшую белую личинку и засунул себе в рот.

– Извини, забыл тебе предложить, – сказал он, тщательно пережевывая. – Не ем я шоколад, вредно это, я лучше натуральные продукты.

Прожевав, он тихо рыгнул, вытер лапки о мохнатое брюшко и повернул мордочку к Диме.

– Слушай, в общем. Ты самовар достал? Достал. Потер его? Потер. Я слышал, у вас здесь, у людей, есть притча о некоем старике, который живет в какой-то бутылке, и если ее потерять, он вылезет и исполнит три желания. Есть такое?

– Есть, – ответил Дима. – Его зовут старик Хоттабыч, в других сказках это джинн, а еще в некоторых...

– Хватит! – крот нетерпеливо замотал мордочкой, подняв вверх правую лапку. – Так вот, запомни: и Хоттабыч твой, и джинн – это все кроты. Это мы те джинны и те Хоттабычи, которые исполняют желания и которые описаны в сказках, или притчах, или легендах – называй как хочешь. Мы жили тысячи лет назад, и люди периодически находили нас, а мы исполняли их желания. Ну а насчет Хоттабычей, – крот на мгновение задумался. – Ну как ты себе это представляешь? Как можно рассказать, что ты нашел какой-то сосуд, из него вылез крот и исполнил желание? Мелко как-то, правда? Людям нужно было что-то фундаментальное, пугающее, чтобы мурашки по коже – вот и придумали джиннов, Хоттабычей и хрен знает кого еще. Понял?

Дима пытался осмыслить только что сказанное, впитать, как говорится, но это плохо получалось. Выходит, Хоттабыч, этот дряхленький старичок с жиденькой бородкой, – КРОТ? Детские идеалы рушились.

– А самовар? – спросил он. – Почему самовар?

Крот махнул лапкой, словно отмахиваясь от назойливой мухи.

– Да какая разница, самовар или лампа. Мы в России, значит, у меня самовар. В Америке, например, лет четыреста назад один индеец нашел в земле глиняную трубку для табака, так это была трубка моего прапрадеда – он вылез и исполнил желание. Пойми, не живем мы ни в трубках, ни в лампах, они просто нам принадлежат; ну и тот, кто найдет, соответственно...

Крот поднялся, встал почему-то на задние лапы, что Диму уже и не удивило, важной походкой, слегка косолапя, подошел и положил лапку Диме на ногу.

– Загадывай, Дима.

У Димы путались мысли. Это бред какой-то. Джинны, кроты, Хоттабычи – почему-то захотелось выпить.

– Ну давай, смелее, – крот опять улыбнулся.

«Прямо как Чеширский кот», – подумал Дима.

– В смысле, я могу загадать три желания?

– Э нет, три желания в ваших сказках от жадности, наверное, придумали. Одно, Дима, только одно, в этом-то и прикол. Помню, однажды, лет сорок назад, один загадал: «Хочу, чтобы все, что я пью, было пивом». Ну, откопал он самовар с утра, похмелье у него было жуткое, соображал плохо, все мысли о том, чтобы опохмелиться. Я его еще спросил: «Хорошо подумал?», а он говорит: «Да, да, давай быстрее». «Яволь», – говорю, забрал самовар и ушел.

– И что?

– Что-что, подох он через полгода. А как ты думал: каждый день пиво пить, ни водички, ни чая, ни молока – одно пиво. Он потом весь огород перерыл, хотел меня найти, но я уже с семьей переехал. Так что, Дима, думай хорошенько, понравился ты мне, хоть и чая не дал попить, но, видно, такая уж моя доля.

Дима схватился руками за голову. И что пожелать? Может, денег? Что сейчас в этом мире нужно? Деньги. Они правят миром, за деньги можно все купить, даже здоровье.

– Нет, – крот ходил мелкими шажками все так же на задних лапках туда-сюда – сейчас он даже заложил передние лапки за спину. – Здоровье за деньги не купишь.

– Вы что, мои мысли читаете?

– А как же? На то я и Хоттабыч, – усмехнулся крот.

– Так что мне загадать?

– В этом я тебе не советчик, – он остановился и опять почесал за ушком. – Смотри в себя, смотри глубже. – Крот остановился и повернул к нему свою мордочку.

«Мама», – вдруг вспыхнуло в мозгу у Димы. Мама сейчас лежала в больнице, у нее были камни в почках, пару дней назад она почувствовала себя плохо, и ее увезли в больницу. Врач сказал, что нужно делать операцию. Когда Дима приезжал навещать ее вчера, она попросила съездить на дачу, вскопать пару грядок... Точно!

– Мама! – вскрикнул Дима. Он вскочил на ноги, и крот с высоты смотрелся, как маленькая крыса. – Мама, крот!

– Что «мама крот»?! – он задрал мордочку вверх, ориентируясь на голос, и отступил на два шажка назад.

– Ты хочешь, чтобы твоя мама стала кротом?

– Да нет же, она болеет, камни у нее в почках и еще диабет, по-моему, ну, в общем, хочу, чтобы она выздоровела.

Крот молча подошел к самовару, схватился лапками за ручки и, смешно ковыляя, потащил его к холмику, откуда вылез.

– Помоги, – бросил он через плечо.

Дима подошел, наклонился и взял самовар.

– Что делать-то?

– Втолкни его прямо в кучу, он пролезет.

Дима поставил самовар на вершину холмика и надавил сверху. Самовар легко стал уходить в землю. Он надавил еще сильнее, и самовар провалился. Осталась только небольшая дырка в земле.

– Ладно, прощай, Дима, – крот стоял, заломив лапки за спину, подняв мордочку. Его фигурка напоминала грушу, мохнатую грушу с усиками. – Вряд ли когда-то увидимся, но ты грядки-то копай, авось...

Он развернулся, и, кряхтя, полез в дырку. Скоро наверху остался только маленький хвостик, который, вильнув пару раз, исчез под землей вместе с хозяином.

Дима ехал домой с дачи и думал о случившемся. Что это было? Может, свежий воздух так подействовал? Машин было мало, он надавил на газ и разогнался до ста десяти. В кармане зазвонил телефон – звонила мать.

– Да, мам, как ты?

– Сынок! – голос в трубке был какой-то не ее, очень возбужденный, но определенно радостный. – Сынок, представляешь, тут результаты анализов моих пришли, доктор сам принес, так он теперь говорит, что никаких камней у меня нет. Да, и еще, представляешь, сахар в норме, ты слышишь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.